

- ★ линии (ж.и.м.)
- ★ Н. Горбаневская стихи
- ★ „внезапно обматывается...“
- ★ первый московский международный

НОВОСТИ

9 октября Николай Васин и «Шоу-центр «Сатурн» при поддержке ленинградского отделения ВГФ им. А. С. Пушкина провели на стадионе «Юбилейный» акцию, посвященную 50-летию со дня рождения Джона Леннона. В ней приняли участие около 15 рок-команд, в том числе «ДДТ», «Зоопарк», «Телевизор»

а также художники, например, группа «Свои», Сергей Ковальский. Выпущен тиражом 55 экземпляров двухтомник песен Леннона. Издание частично финансировано Гуманитарным фондом.

В ленинградской галерее «10-10» с 15 октября по 3 ноября проходит персональная выставка «ленинградского художника из Кутаиси» Роланда Шеланберидзе.

24 октября «Свободная культура» в лице галереи «10-10» участвует в фестивале ленинградских галерей в Центральном выставочном зале Манеж. Среди прочих участников: галереи «Палитра», «Анна», «Ариадна», «Товарищество свободных художников». На втором этаже выставочного зала проходит экспозиция «10+10» — не путать с почти одноименной галереей, — прибывшая в Питер после кризиса по всему свету.

118x61, картон, масло, кофе, табак, сталь, пепел, останки. Вот названия картин говорящие сами за себя: «Адам и Ева», «Моя кузина — белошвейка из Тура», «Наш Пушкин». Много портретов: товарища Маркса, товарища Энгельса, товарища Ленина, товарища Сталина, товарища Полозкова и др.

Выставка открыта ежедневно с 10 до 01 часа, входная плата — 1 коп. + 1 сигарета, желательно с фильтром. Адрес выставки имеется в редакции и предоставляется при наличии подписной квитанции на газету «Гуманитарный фонд» или, в порядке исключения, покупки номера газеты.

В сентябре-октябре в галерее «Марс» проходила советско-швейцарская выставка «Московские Альпы». С нашей стороны: И. Зайдель, В. Фишкин, В. Стучебрюков, Е. Вахтангов, С. Базилев, К. Победин, с швейцарской: Г. Беттини, Л. Ганссер, Ч. Гранди, Ф. Мариотти, Дж. Райхмут, Дж. Кармине.

5 октября на Петровских Линиях состоялся вернисаж: вместо выставки «За культурный отдых», отложенной по ряду причин, товарищество «Искусство или Смерть» подготовило выставку «В ожидании отдыха» (П. Аксенов, К. Бохоров, Д. Гутев, И. Китуп, В. Кошляков, А. Савко, А. Тер-Оганьян). На вернисаже состоялись краткие и вполне «авангардные» чтения стихов, играл джаз-бэнд «Патефон», танцевали... Но местное

ПОКАЯННОЕ ИСКУССТВО

23 сентября художники (К. и Л. Звездочетовы, Г. Литичевский, Ф. Богданов, И. Зильберштейн, А. Гранцева, И. Чацкин, И. Китуп, Л. Войцехов и другие) прошли по Зоопарку, показывая зверям свои работы. Затем там состоялась небольшая демонстрация либертарианцев под лозунгами типа «Свободу животным!».

Событие, имевшее место 23 сентября сего года в московском Зоопарке, продемонстрировало всю глубину волны демократизаций и реабилитаций, увлекшей даже молодых и преуспевающих столичных художников. К счастью, молодости свойственен максимализм — взяли да и пошли с раскаянием и посылными дарами к нашим братьям меньшим. И ведь не за себя только — в готовности расплатиться за многовековую беспощадную эксплуатацию самых различных представителей фауны — за однообразный зооморфный символизм, за беззастенчивое использование этих чистейших существ в низменно-буржуазных целях всяческого украшения и оживляжа. Благородное сочувствие заразительно, и за верхним пафосным слоем можно найти множество поводов для его развития.

А что, если эта акция — ненавязчиво-наглядный пример обреченности искусства, реальное воплощение ситуации глобальной нестыковки художника и зрителя. Последнему, зашуганному и недокормленному, нет никакого прока от этих случайно возникших, ярких и непонятных безделушек; хорошо, если просто глянет, отвернется и пойдет по своим делам, а ведь встречаются и мнительные — за чем, мол, дразнят, и агрессивные — ишь, ходят тут всякие! А художники: «Да мы ж для вас, мы же хотели как лучше!» Да, а вышло как всегда. Положение наших творцов поистине прискорбно. Ведь они тоже выходцы из народа (концептуалистами не рождаются) и порой, глухими ночами их покидает гордый дух элитарного отщепенства и начинает мучить совесть, совесть, на дне которой навеки

отпечатался пребывающий в небытии лозунг: Искусство — народу! И жгучее, неудовлетворенное чувство долга толкает их на патологичный в своей мужественности шаг — нести свое искусство в неизвестности, справиться нужду призвания этим тоталитарно-клеточным способом. Правда там, в Зоопарке, всех авторов объединяло одно светлое чувство. Это была надежда: «отношения» хотелось всем, каждому. И счастливицы были. Некоторые брали смириением — не пропускали клетки со зрителями, замирали перед каждой на несколько минут, и, главное благоговейно принимали любую реакцию. Но были и такие художники, чьи произведения принимались как-то особенно — с необъяснимой бурностью или стихим, глубоким пониманием. Быть может, это были знаки богоизбранности. Представьте, как этим людям стало ясно, мудро и тяжело.

24. 09. 1990 г.
Ю. Овчинникова

Члены группы «Искусство или Смерть» перед своей картиной

По сообщению из независимых источников, небезызвестный К. Филиппов согласился открыть миру новую грань своего таланта.

Готова к экспонированию постоянно действующая выставка, размещенная в новой квартире К. Филиппова, на 1-ом этаже совершенно круглого дома.

Размеры и материал картин, не говоря уже о содержании, поражают своим разнообразием. Автор одинаково владеет акварелью, темперой, карандашом, маслом, фломастером и торкретбетоном.

Гвоздь выставки — масштабное полотно «Бремя белого человека»

начальство, видимо, нашло во всем этом нечто предосудительное и в тот же день выставку закрыло и опечатало... Подробно в следующих номерах.

* А ведь это уже не в первый раз: выставка товарищества в гостинице «Юность» тоже была открыта всего один день.

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ ГАЗЕТ

В возрасте 95 лет умерла русская поэтесса и прозаик Ирина Одоевцева.

ЛГ, 17 окт.

Издательство «Худ. лит.» планирует собрать воедино все поэтическое наследие О. Мандельштама в 1990 г., включая шуточные стихи и стихи для детей. Ц. 6 р., 200 тыс. КО, 12 окт.

ВСТРЕЧА С Ю. МАМЛЕЕВЫМ. Сейчас в Москве находится Мамлеев, писатель-сюрреалист, покинувший СССР в конце 70-х годов. Живет в Париже, член французского ПЕН-клуба.

Веч. Москва, 11 окт.

15 октября в Риме открылась конференция писателей из СССР и Русского Зарубежья. Его участники: Айтматов, Бродский, В. Быков, Владимир Виноградов, Горбаневская, Залыгин, Лихачев, В. Максимов (не путать с А. Максимовой), а также Э. Неизвестный и М. Растропович. Задача: национальное примирение.

Первый номер альманаха «Апрель» читатели получили на вечере «Писатели в поддержку перестройки» в ЦДЛ 18 января — дата стала широко известной благодаря печальному инциденту, связанному со Смирновым-Осташвили и Ко. Только

что появился второй номер «Апреля», где опубликованы произведения А. Битова, М. Кудимовой, С. Есина, А. Приставкина, Л. Петрушевской, Ю. Эддиса, Т. Жирмунской, Ф. Горенштейна, а также статьи В. Лакшина, В. Ерофеева, А. Мальгина. ЛГ, 10 окт.

В Ленинграде на Рождество будет телемарафон «Возрождение». МП, 13 окт.

Готовится к регистрации Духософское общество. Тридцатидевятилетний философ Б. Попов, сопредседатель общества, отмечает характер объединения: «Наша цель — изучение и распространение гуманных духовных ценностей всех культур». Духософы считают своими учителями русских религиозных мыслителей В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского. МК, 12 окт.

В январе будет открыт Английский клуб. Его организаторы — Синее движение за экологию человека и либерально-демократическая партия. Членами клуба станут деловые люди и интеллектуальная элита. Штаб-квартира располагается в Центральном музее революции СССР. КП, 13 окт.

Первый советский запрещенный фильм времен перестройки «Астенический синдром» Киры Муратовой получил удостоверение на прокат без всяких ограничений. Прокатить фильм объявили желание ряд кинообъединений страны, столица пока молчит. ВМ, 12 окт.

Лучшим европейским фильмом всех времен и народов в результате опроса шести тысяч европейских кинематографистов — участников первого фестиваля европейского кино признана европейская кинолента «Броненосец «Потемкин»». П, 15 окт.

Медалью «За трудовую доблесть» награждены Алексеева Л. И. и Цыганова С. В. Орденом Почета — Лев Аннинский и Наталья Иванова. А. И. Солженицын выдвинут на соискание Государственной премии РСФСР за 1990 год. (За повесть «Один день...», рассказ «Матренин двор» и «Архипелаг ГУЛАГ»). ЛГ, 17 окт.

Из КГБ СССР запрошено следственное дело М. М. Бахтина, которое вместе с материалами его биографии, по словам Д. Урнова, будет напечатано в одном из номеров Вольф в 1991 году. КО, 12 окт.

ВЫСТАВКИ ВЫСТАВКИ ВЫСТАВКИ exhibitions выставки EXHIBITIONS

ЛИНИИ

ЛИНИИ (ЖЕСТКИЕ И МЯГКИЕ)

Под эгидой предпринимаемого галереей "Росарт" сентябрьского показа молодых художников "Сентпарадиз - 90" открылась выставка в зале на Петровских линиях под названием, опоздавшим на афиши, не успевшим облететь общественность: "Линии (жесткие и мягкие)".

Линии — это связь с непосредственным адресом выставки — с Петровскими линиями — дань нашей топографической вежливости "Духу места" — Genus Loci.

Но Линии — это и нечто большее. Линии — это направления, направленности, течения, движения, раздвоения и совпадения, которые мы пытаемся зацепить нашей экспозиционной "линией" (то есть способом подхода к материалу).

Наши линии — это линии "раздваивающихся тропинок", отсылающие ко многим временам и пространствам сразу, нанизывая на сквозную тему экспозиции — нить, зигзаг — линию, все, казалось бы, "неуживчивые", дробные ее фрагменты. Если линия не всегда видима, то она мыслима и подразумеваема! Ищите линию, которая не прямолинейна! То скрываясь под поверхностью, то обнаруживаясь в изломах "осциллограмм" и горизонтах развески блуждающая линия — повсюду!

Линия двоится, расслаивается, ветвится — это линии — пути исследования недоисчерпанных возможностей тех течений, что уже имели место на Западе, но не успели актуализироваться здесь и неизбежно породят новизну, отражаясь на неровной почве здешнего артландшафта, что в России уже бывало не раз относительно предмета "заимствования". Это линии разрыва с предшественниками и линия связи как с ними, так и с современниками, здешними и нездешними. Способность установить линию связи с будущим покажет время и дальнейший экспозиционный опыт.

Что касается "жестких и мягких" — это еще одна ставка на долготельность или обратимость, а также их шанс на чудесное совпадение противоположностей, которое, не сбываясь, маячит на линии горизонта, все время ускользающей, но нестираемой.

Одни линии здесь более жесткие: это искусство ощутимо Дионисийской породы, склонное к иррациональной внушающей силе, к масштабности, к броской, "громкой" визуальной подаче, наделенное экспрессивно и даже агрессивной интонацией, отсылающее к заклинательности шаманского жеста (Элмар, Часовских, отчасти Касимов). Это волюнтаристский натиск разбуженного мифа, экспансия воображения и нео"варварского" инстинкта письма, даже когда эта яростная волна маскируется — мимикрирует под "холодную" геометрически-монокромную стилистику и сдерживается "сеткой" линейно-графических кодов (например, у В. Часовских). Другая линия, чаще более камерная по размерам и сдержанная, как бы следующая привычным картинным параметрам, более "тихая" по интонациям, с более мягкой или тягостяющей к визуальному комфорту подачей поверхности. С одной стороны, это дань живописной, а также графичной традициям в их непосредственной линии

наследования. Это также (что касается, впрочем, меньшинства экспонатов) жест экспозиционного компромисса, поскольку конформность отчасти обусловлена коммерческим уровнем галерейной стратегии, полная неуступчивость относительно которой была бы, наверное, излишним ригоризмом и максимализмом. Когда границы китча и большой культуры все время пересматриваются, в конце концов, это жест плюралистичности и терпимости, которые тоже есть позиция! Что касается более продвинутого, и, можно сказать, программного для экспозиции пучка "мягких линий", то они не менее "жестких" обнаруживают в себе неоднозначность, непрямолнейность, способность к превращениям.

В жесткой напористой агрессии и сухости геометрических схем может проступить мистика и своего рода "романтизм", и радикальность жестких силовых приемов может разрядиться медитативным успокоением созерцательности. И напротив — мягкое может стать жестким, взрывчатым, агрессивным: у Элмара классическая линейность голубофонного (под цвет неба) "фриза" может породить великолепных абстрактно-фигуративных "монстров", поскольку Ratio — рассудок (прямолинейный цензор) надежно усилен во имя артистичной игры с подсознанием. У Касимова приметы "музейного слоя" — лессировки, бурая мгла старокартинного фона и небесная иллюзия плафонов — все эти симптомы музейфикации письма наряду с мягкой образностью анималистики, в целом не отступающей от "добротного реализма" — Все это может нести в себе холодную жесткость концептуальной рефлексии и дистанции наряду с подрывом дерзкой провокации, перевертывающей, но не вверх тормашками, как в свое время у Базелица, а скорее изнутри-наружу, "шиворот-навыорот" привычные устои, каноны, шаблоны живописного восприятия.

У А. Беляева маленькая камерная графика нерукотворно-трафаретных отпечатков на плитках-кафель — этих табличках "клинописной" библиотеки, рукотворные отпечатки на холсте и ткани (мягкое на мягких материалах) могут нести в себе полускрытую магическую заклинательность, напор сконцентрированной энергии, жесткую силу медитативного сосредоточения, волю к овладению внутренним и внешним пространствами. У Б. Мамонова миниатюрная фрагментарность графичных, как бы комиксных, клеем взрывающихся парадоксами образных наплывов и расслоением пространств.

Возвращаясь к линиям, важно вспомнить, что это еще и ПЕТРОВСКИЕ линии, а из всех Петровских линий (линий Петра Великого) для нас наиболее актуальна линия транскультурных связей, то есть его "окно в Европу", которое так быстро успевает зарастать, что требует пробивания вновь и вновь, с новыми силами, чему немало способствуют начинания галереи "Росарт" и в чем создателям хочется пожелать дальнейших успехов!

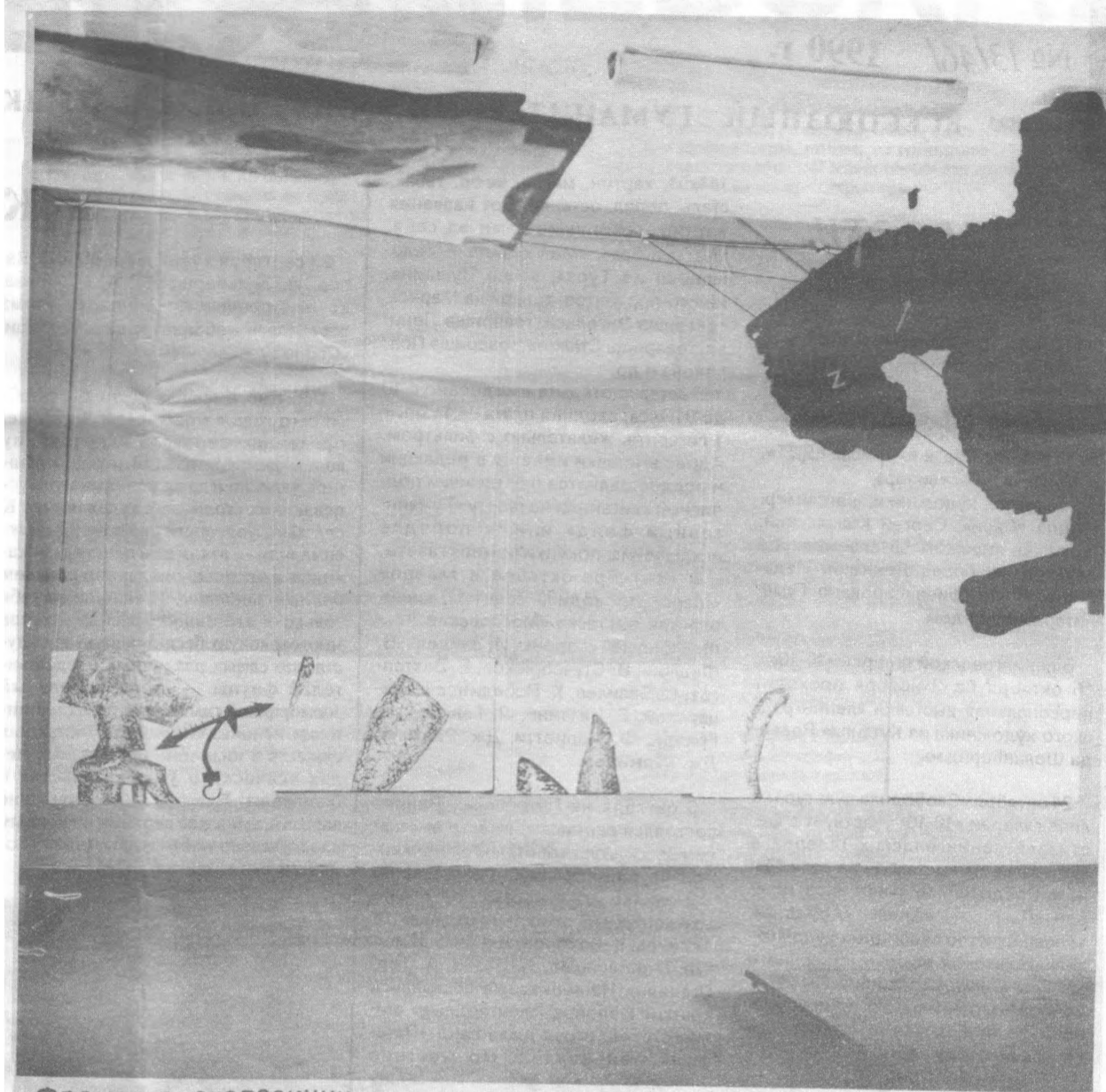
Искусствовед-критик
С. И. Кусков
5/IX — 1990 г.

Что такое выставка, как не открытие лица художника, иногда почти совсем незнакомого? В этом могли воочию убедиться зрители, присутствующие 5 сентября часов около пяти на акции, связанной с открытием выставки "Линии жесткие и мягкие" в культурном центре на Петровских линиях (организатор — галерея "Росарт").

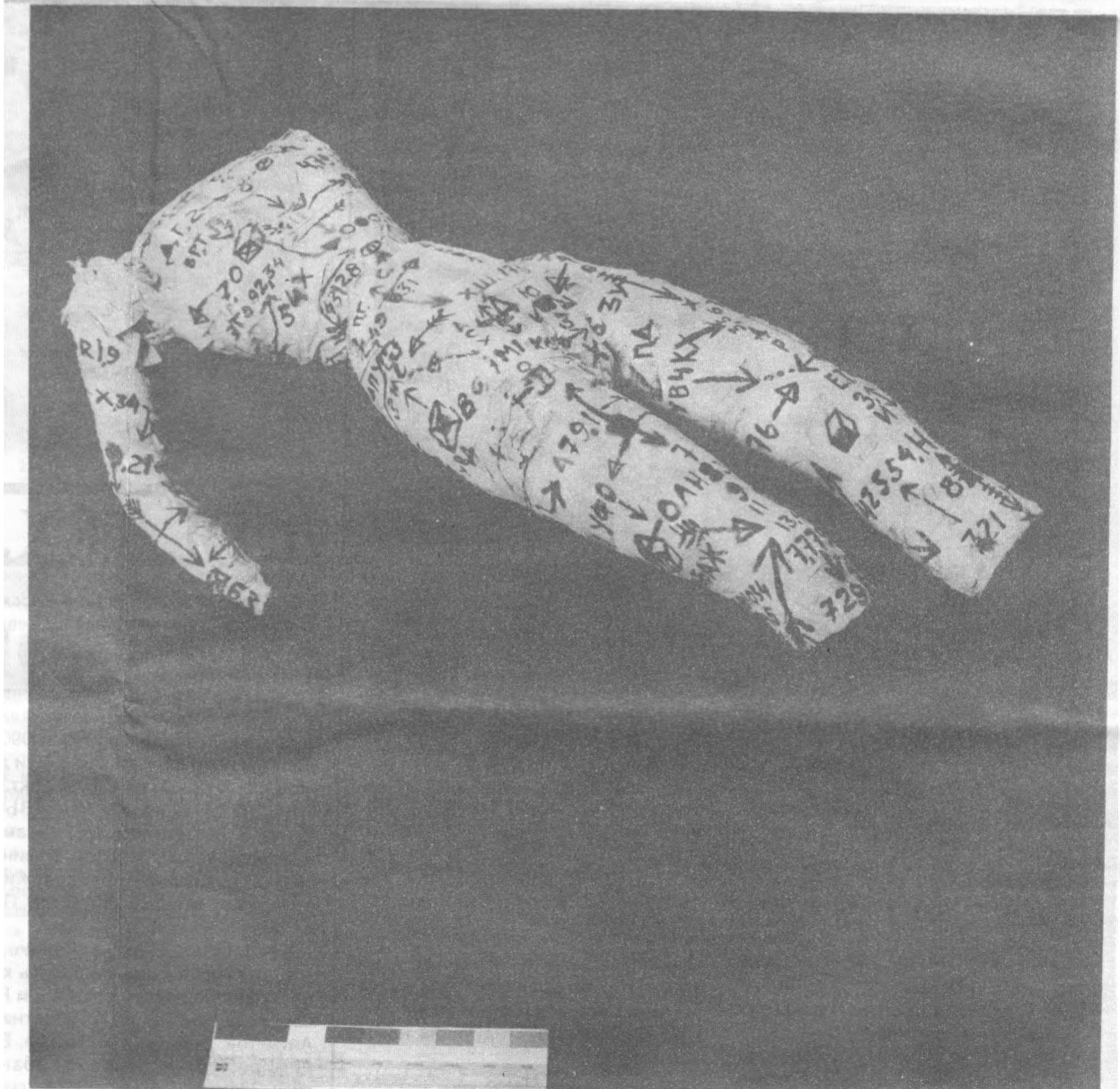
Вначале была почти полная темнота, в которой люди с заматанными черными и белыми бинтами головами и одетые в синие "прозодеждовские" халаты, лупили палками нечто большое, завернутое в тряпку, потом один из них, поднятый на носилках тремя другими, с левого верхнего угла методично-торжественно начал заполнять черными "осциллографическими" граффити стену из кусков белого пенопласта, на которую был направлен свет. (Позже выяснилось, что это был художник В. Часовских). Все это сопровождалось комментариями Сергея Кускова ("одного из наших самых-самых известных искусствоведов", как шептал один зритель другому), который выступил в несколько неожиданной роли "играющего тренера" — он давал комментарии к акции, одновременно являясь ее участником, а кроме то-

го, и автором идеи выставки и ее экспозиции. Среди "забинтованных" участников его выделяла характерная "вождистская" кепочка, одетая слегка набекрень. Его медитативное бормотание, очень напоминающее авторское чтение стихов, содержало в себе определения индивидуальности каждого художника, и в то же время выводило зрителей на уровень отвлеченных идей и обобщающих понятий. Очень коротко и огрубленно пафос его выступления можно было бы выразить в двух словах: "Вглубь к архетипам!"

В конце концов, зажегся свет и произошло открытие лиц художников (поспешно срывавших с себя бинты) и, естественно, открытие выставки. Зрители могли убедиться в том, что, действительно, художники, составившие ядро экспозиции, апеллируют не столько к сознанию, сколько к подсознанию, и хотя делают это совершенно разными способами — жутковатый в своей почти реалистической живописи бестиарий Энвиля Касимова, "доархаический" фриз А. Элмара, запечатленная "жизнь руки" в работах А. Беляева, выполненных в "хирографической манере без применения кистей, холодная, аналитическая комикс — живопись

Фрагмент экспозиции

Элмар "Иглоотерапия"

(графика?) Богдана Мамонова — все эти вещи создают некоторую "шаманскую атмосферу, и уже не кажутся странными слова С. Кускова о том, что он просто "оговаривает воздух"...

Выставка "Линии жесткие и мягкие" представляет собой одно из промежуточных воплощений проекта большой выставки под условным названием "Индивидуальная мифология", ее своеобразный "черновик". А в черновиках, как известно, часто содержатся замыслы гениальных идей.

Милена Орлова

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Наталья Горбаневская родилась в Москве в 1936 г. Изучала филологию, окончила заочное отделение Ленинградского университета в 64 г. Работала техническим переводчиком и библиографом. Впервые напечаталась в самиздатском журнале “Феникс”. В 1968 г. встала во главе акции по сбору подписей в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга. Горбаневская принадлежала также к основателям самиздатского периодического издания “Хроника текущих событий”. Была в числе семи демонстрантов, вышедших на Красную площадь с протестом против вступления советских войск в Чехословакию. Была арестована и насильно помещена в психиатрическую больницу. Освобождена в 1972 г., тогда же в США вышла книга избранных ею самой стихов ЛЮБЕРГЭБЕ.

В 1975 г. смогла покинуть СССР вместе со своими двумя детьми. С 1976 г. живет в Париже, работает в журнале “Континент”, много переводит, преимущественно с польского. В Париже вышло 4 сборника поэтессы. Лирика Горбаневской — поэтическое выражение мучающейся и отчаивающейся души... Ей не свойственна повествовательность и описательность. Традиционные образы тьмы, мороза и снега, облаков и пыли выстраиваются ради выкрика собственной боли автора. Иногда — это зов, напоминающий молитву, обращенный к Богу... Осознания работа над словом проявляется главным образом в системе аллитераций.

В. Назар. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988

СТИХИ ИЗ СБОРНИКА “ДОЖДИ, И ЗАСУХА, И НОВЫЕ ДОЖДИ”

Когда, коснувшись утренней звезды,
Зажгутся белым пламенем сады,
Где нет тебя, и нет, и не бывало,
Когда кругом ты станешь не права,
Когда сорвутся с горьких губ слова,
Но не слова, и смутный гул обвала,

Когда в дрожащем зеркале реки
Ты отразишь, но не свои зрачки,
И, как в разлуку, погрузишься в омут,
Когда простишь и другу, и врагу,
Всем, кто на этом замер берегу
И кто стремится к берегу другому,
Когда, как на бегу, печаль стяхнешь,
Когда придешь к тому, кто не похож,
Кто не стоял у твоего порога,
Тогда, но нет, еще и не тогда,
И что тогда? Затягивает мгла
Грядущее...

8-10 апреля 73

Спешу насладиться касательной негой слепого
дожда,
покуда не соохлась земля и не высохло небо,
покуда бегут в берегах полноводных Невы и Онега
и порох подмокший не струнулся с лона ружья.

18 июня 73

В аквариум света вплывешь поплывешь близорукою тенью
И влажной рукой проведешь по границе незримой
задержишь завесу и горько предашься и тьме и смутной
пронзая рыданием родимый пейзаж полужизни

Раскатаны полосы черного льда на промокших аллеях
алеют полосы зари в бахромке абажура
скамеечка скользкая слезная полночь немолчная флейта
все дергает за душу как за кольцо парашюта

И к этим до дна замороженным и до горячки простывшим
впотмах распротертым убогим моим Патриаршим
прильну и прикинну примерзну притихну поймешь ли
простишь ли
сбегая ко мне по торжественным лестничным маршам

20 февраля — 10 марта

Это я не спасла ни Варшаву тогда и ни Прагу потом,
Это я, это я, и вине моей нет искупленья,
Будет наглухо заперт и проклят да будет мой дом,
Дом зла, дом греха, дом обмана и дом преступленья.

И прикована весной незримой цепью к нему,
Я усладу найду и отраду найду в этом страшном доме,
В закопченном углу, где темно, и пьяно, и убого,
Где живет мой народ без вины и без Господа Бога.

Между явью и сном.
Между боем кукушки
И стуком машинки
На пруду жестяном
Жестяные кувшинки.

За китайской стеной
Ты скончешься там же, где зачат,
Где мишени кружок жестяной
Или солнечной зайчик.

Где качается лист
Театрального грома,
Где ты дома
И где ты не дома,
Где твой путь, как и прежде, кремнист.

25 июня

В исследовании селедочной головки
голландцев, гольтыба, общегоял кубист,
клубы мохры, кошмары голодовки,
съестно пропахли клейстером листовки
со списками предутренних убийств.

Такого не придумаешь в бреду,
в буржуйке жги Брокгауз bestоловый,
предупреди: “Завтра не приду”,
пожни свою судьбу и череду,
как в очередь за воблюю пайковой.

Вот эти годы, голожа и годы
(угодливая память — помело),
мело метелью, и зряя свободы,
оскалив зубы, возводила своды,
где духу туго, плоти не тепло.

7-14 декабря

Сотру со лба соленый пот работы.
Слепа, и слепну, слов не нахожу.
Да не судимы... Я и не сужу,
Но вам бы наши, наши вам заботы.

А балагур гоняет анекдоты
И ходит по смертельному ножу,
А я в кулак сожмусь и удержу,
И хохот, и рыданье до икоты.

Глухая и незрячая толпа,
Как тяжесть атмосферного столба,
Но толща океана тяжелее.

Во всю свою недолгую длину
Я как моллюск, придавленный ко дну,
И все еще о ком-то сожалею.

2-4 апреля

ИЗ СБОРНИКА “НАУКА РАССТАВАНЬЯ”

Март — май — июнь — июль 74

Пейзаж — как страж в дверях моей души,
все, все отдашь — карандаши и перья,
любовь, надежду, веру и доверье,
как тот, что за щепотку ананиса
не то, что кошелек, а наизнанку
себя сейчас же вывернуть готов.
А весь пейзаж — чета кривых крестов
да серый мужичок, что спозоранку
на драный кров накладывает дранку.

22-23 марта

Как циферблат, неумолим закат,
пылая, розовая и бледная.
Последний луч, последняя надежда,
а дальше тьма, разлука и распад.

Не лучше ли проспать последний луч,
не записать навязчивую строчку
и ни на чьем плече, а в одиночку,
в кольце клубящихся летящих тяжких туч

в кольцо луны, как в потные очки,
оставить равнодушные глазницы
и не гадать, приснилось или снится,
что зренья — там, а тут — одни зрачки.

28 июня

...ВНЕЗАПНО ОБМАТЫВАЕТСЯ...

Театр и картины появились потом. А вначале были только поэты. Молодого американского поэта Джона Хая десять лет назад назвали бы большим другом нашей страны. На самом деле он просто большой друг Нины Искренко, ее друзей и еще некоторых людей... Это был именно Джон Хай, кому первому пришла в голову мысль о таком фестивале. Он поговорил об этом с Надеждой Приговой — и включился Центр творческих инициатив. Потом пришли остальные — и всем эта затея очень понравилась... Те, кому за 30, не успели привыкнуть к мысли о том, что общаться и путешествовать — так легко и ненаказуемо,

и оставим эту мысль вместе со сказочным ощущением волшебства, парализовавшего органы госбезопасности.

Джон Хай, Коул Свенсон, Форрест Гэндер, Алека Чейз и другие уже несколько лет знакомы с корифеями московского клуба “Поэзия”. По аналогичному фестивалю в Америке, по взаимным переводам. У себя на диком Западе они являются совладельцами издательства “Пять пальцев”, совершенно некоммерческого и не вынужденного выпускать в свет десять пособий по сексу и двадцать политических разоблачений, чтобы покрыть расходы на один поэтический сборник. Короче говоря, делают,

что хотят. А хотят (то есть, и делают) альманах “Пять пальцев” (вышло уже десять книжек, в одной из них — переводы на английский Арапова, Искренко, Кутика...), и еще отдельные поэтические сборники.

Русскому читателю, как бы ни был он образован и продвинут, очень трудно воспринимать поэзию, не настоящую на классических ритмах девятнадцатого века. Действительно трудно, потому что даже авангард, отрицая зашоренные формы, борясь с опустошенными смыслами слов, все-таки всегда имеет их в виду, явно или скрыто к ним обращается. А тут все то, что мы впитали в детстве со сказ-

ками Пушкина и с тех пор можем только или ругать, или хвалить, просто отсутствует. Также, как отсутствуют рифма и размер, отсутствуют и поэтизмы с непреходящими нравственными ценностями. Трудно, трудно, все не родное, ничто не зацепит за знакомые болячки... Даже один из переводчиков не выдержал и зарифмовал свои переводы.

Трудно, но все-таки можно воспринять эти стихи, потому что в них есть отражение жизни души, есть поэзия. Попробуйте представить себе этих людей и войти в их мир без своих мерок.

АЛЕКА ЧЕЙЗ
Aleka Chase

ФОТОТРОПИЗМ

Я бредила тем берегом, той белой
отмелью, тянувшейся до солнца, —
хотя всегда могла туда вернуться.

Но дважды в ту же воду не войдешь.
Ведь я хочу не просто то же небо,
что называется...

Мы забываем жить когда бы можно.
“Уцелевшие”, — говорю я о нас,
но ты уточняешь: “пока еще”,
зная лёгкость соскальзывания
из темноты в темноту.

пер. Павла Митюшнёва

Когда он повесился ты сказал:
ну, да.

А я всю зиму, зиму напролёт
ждала цветения акации. И неба,
что принято считать голубым.

И этот запах, этот аромат
преследует меня, берedit, давит
— Такой он жёлтый — с ног до головы
окутывает всю. Я растворяюсь
в нём полностью, как некогда в тебе.

Но это был дурацкий, набивной,
боксерский твой мешок — с чем я
столкнулась в той темноте, свисавшей со стропил

ЛОРИ ЛЮБЕСКИ
LORI LUBESKI

ВОЗДУШНЫЕ ПЛАТЬЯ SOFT DRESSES

Её семья спускалась просёлком.
Вид их был странен.

я знала что у них я это знала
но не могла найти им в утешенье
ни слова просто пошла рядом

и было всё в каком-то странном цвете
ржаной пожар

уже испытывала всё я это раньше

когда ребёнком, лёжа на полу,
вслушивалась в мамину пластинку
при этом представляя наяву
раскры глаза вот этот самый цвет,
трава по пояс и они бегут
и, затаив дыхание, как бегут —
девушки в воздушных платьях
загорелые дети.

но только кожа их в воображении
была отнюдь не гладкой, а дублёной,
ладони от кайла закаменели,
от засухи растрескались до дна.

и было в их глазах как бы блужданье
когда они спускались тем просёлком
семья
чи дети
умерли.

и мама двигалась уж как-то очень
тихательно
рукой при этом некое движение
пытаясь всё поставить на пластинку
иглолку патефонную на ту
самую.

пер. Павла Митюшнёва

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

"Я ВСЕГО ЛИШЬ БЫЛ"

"...Моя семья говорит: не вздумай с ним больше встречаться! Но у моих глаз своя жизнь: они смеются над правилами и знают чьи они..."

/Мирабаи. "Я всего лишь дышал"/

В этот раз их было три: "Сун 3" и "Контрабэнд" из Сан-Франциско и "Алармист" из Брайтона. Не знаю, кто там распределял последовательность спектаклей, но получилось удачно. Многоцветны, ассоциативно-образные композиции визуального театра "Сун 3" гипнотизировали первые два вечера; следующие два ставили мир с головы на ноги, выводили из шока и вынуждали тех, кто в юности имел хвосты по английскому, ругать себя разными словами — вся суть, вся прелесть спектакля театра "Алармист" заключалась в остроумии реплик. Еще бы. Это был "Клоп" по пьесе Маяковского. Но то, что по-настоящему поразило, — "театр тела", — явилось апогеем и эмоциональной кульминацией. И все последующее меркло и блекло, потому что верхняя граница фестиваля была уже очерчена.

И каждый вечер тесное фойе, оно же гардероб и буфет, в ДК МГУ на Герцена, где все, собственно, и происходило, ухитрялось вмещать в себя толпы народа. Воздух уплотнялся и нагревался, дробная русская речь сплеталась в клубок с округлой английской, и дождик моросил за порогом. А люди все прибывали, тусовка разрасталась. Актеры, переводчики, зрители, участники кутались в клубы иностранного сигаретного дыма, жевали советские бутерброды и общались — смущались — смеялись. И все же загадка, каким образом простые советские не-участники узнавали о событиях. "Мне подружка сказала, а ей знакомый сказал", "Я по Герцена проезжал и афишку разглядел", "А я вот — погреться зашел и увидел". И все на таком уровне, потому что не было и нет никакой рекламы, и до нее ли устроителям фестивалей, поглощенным советской формалистикой и борьбой с отечественным бытом?

Англичане понимали, что, приезжая к нам со своей вариацией на тему пьесы Маяковского, они рискуют. "Клоп" — это же чисто наше, хамство раннесоветское, мешанство постреволюционное — и вдруг молодой англичанин?

ность цвета — весь первый акт "Клопа" казался ожившей черно-белой фотографией — подчеркнутая статичность, нарочитая неестественность поз; и превосходная пластика, темпераментный гротеск, клоунада... "В Англии мы практически единственны в своем роде. Английский театр традиционен и натуралистичен. Мы же ухватываем суть, сердцевину, и стилизуем ее."

Если для "Алармист" цвет — одно из средств, то для американского "Сун 3" — одна из целей. Визуальный театр, пожалуй, самый непривычный и самый сложный для нашего восприятия. Театр вообще синкретичен, его язык труден для анализа. Интенсивно-визуальный театр — это особое состояние живописи и скульптуры, мгновение перехода, когда они "оживают", но еще не настолько живые, чтобы стать театром. Задача — создавать театральную обстановку, дух. Это театр театра, рефлексия и самосознание театра. И это сродни искусству немое кино.

нипулирующий предметами, — сливаются в единое ощущение, почти физически осязаемое. Записанный на пленку голос монотонно твердит странные фразы, похожие на внутренний монолог склеротика, напрягающего память. А каждое действие на сцене превращается в священное действо, исполненное символики и внутреннего смысла, и абсолютно не имеет логической связи срывками монолога. Смысл его постепенно исчезает, мистически сливаясь с красками обряда...

Спектакль "Мира" театра "Контрабэнд" — это "изобразительные ландшафты" "Сун 3", вывернутые наизнанку, отрицательный полюс того же потока энергии. Дух "ландшафтов" — свет, вздох, эстетство. Дух постановки "Контрабэнд" — ночь, выдох, бунт плоти.

Замечательные и почти неизвестные стихи древнеиндийской поэтессы Мирабаи послужили основой спектакля "Мира" и вполне могли быть девизом всей театральной части фестиваля. Наверное, впервые за всю историю под сводами МГУ исполнены священный и дьявольский гимн величию человеческого тела. Ведьмин шабаш, языческая пляска под жуткую, мучительно-прекрасную музыку, творимую тут же на сцене /там-тамы и некий духовой инструмент/, завораживали, обволакивали: высвобождая нашу генетическую память, заставляли и покачиваться и притоптывать в темноте зрительного зала. И песни, сильные, красивые, на слова Мирабаи и Сэри Шелтон Мэнн, почти блюзовые, переходили в вопль, а звериный вопль порождал свободную песню...

Но последняя песня излучала мягкой и радостный свет, и мы расхотелись осчастливленными, напевая "алилуя, алилуя".

Основатель театра, режиссер и актриса Сэра Шелтон Мэнн сказала: "Мы вынашивали этот спектакль целый год, Америка его еще не видела. Мы показали вам работу будущего. Идея каждого спектакля для меня — прежде всего духовные искания, и многое домысливается, достраивается в процессе "обкатки", в общении с залом на энергетическом уровне. В сердце спектакля теперь будет что-то от Москвы. Играя его в Штатах, мы всегда будем помнить об этом".

А советский театральный авангард все толчется на своей единственной выпукло-вогнутой поверхности, занятой политикой, историей, славянской душой, "стебом" и протестом, не желая подумать над самим собой, своим языком, степенью самосознания. Быть может, авангард — это жажда и это рефлексия искусства?

"...Есть жажда. Это жажда его тела, жажда каждого волосика этого темного тела. Я всего лишь был. И танцующая сила вошла ко мне в дом..."

Элика Садыхова

Фестиваль был международный. Спектакли были хорошие. Я буду писать о нас, о плохом.

Где и когда проходил этот фестиваль, знали немногие. В основном те, кто принимал в нем участие. В проклятые годы застоя такую засекреченность объясняли бы давлением сверху. Сегодня — элементарной халатностью организации. (Я не ратую за хлеб-соль, девиц в кокошниках и гимн Советского Союза. Но афиши хотя бы можно было расклеить!)

Захожу в фойе, где немногочисленные зрители поглядывают на дохлые бутерброды по полтиннику штука. Голодный Венья Скальник (режиссер театра-студии "Черный квадрат") рассказывает о совместном тренинге с "Контрабэндом". Кооперативное кафе в фойе — "только для белых". Артистов "Черного квадрата" оттуда уже раз вывели, хотя есть они не просили, довольствуясь трепом с "контрабэндовцами".

Полупустой зрительный зал. На сцене — праздник — красно-белый "Алармист". "Клоп". Пластичные и концептуально угловатые артисты, Присыпкин — наивный иностранец, боящийся буки-социализма. Первое отделение — красное, как было. Второе — белое — будущее. Во втором отделении частично исчез повод для гротеска и действие стало менее феерическим. В белом царстве Присыпкин оказался удивительно трогательным.

Не все то, что происходило на сцене, было хорошо. Кабаре "Синие ночи", которое должно было стать финальным аккордом фестиваля, моя знакомая назвала убожеством. Да нет, "мы всегда так живем". Не всегда попадаем в роль зрителя. А в принципе, нужно помнить банальную телегу о соответствии действия месту. На студенческом капустнике или в подшефной школе голое пузо конференсье, игры с гранеными стаканом были бы уместны и приятны. Дело в том, что а-ля шутки над ментами. ЧеКахи и пр. сегодня все принимают как некий пост-степ.

ADAPTED BY STEPHEN PLAICE

THE BEDBUG

VLADIMIR MAYAKOVSKY

DIRECTED BY HELENA UREN

ALARMIST THEATRE

кетки и давай прыгать через лужи. Шустрые такие... Поселили "шустрых" в общежитии некоего ПТУ, в районе Теплового Стана. Многие артисты простудились. Катастрофически не хватало переводчиков. В такой не располагающей к творческим авантюрам обстановке В. Скальник умудрился после трех репетиций ввести в спектакль "Загубленная весна" двух артистов "Алармиста". Играли они на английском языке русских мужиков, вызывая гомерический хохот зрителей.

Наверное, главным результатом фестиваля была тусовка артистов, поэтов и художников. Хэппенинг, прошедший не благодаря, а вопреки.

Сейчас не так сложно оформить приглашения, "все поддерживают, но никто не помогает" (цит. директора фестиваля Н. Козлову). Единственным, кто откликнулся материально, был Комитет защиты мира. Обратная сторона демократии — к гостям теперь относятся как к "своим". А к своим артистам относятся известное как. В 91 году будет следующий фестиваль. Меня туда не пустят.

Рада Цапина

ОТ РЕДАКЦИИ: Авторы противоречат не только друг другу, но и сами себе. Раз были толпы, значит и реклама была. Реклама действовала ровно настолько, чтобы на закрытие фестиваля в зале было негде... стоять, не только сидеть. И вообще, смотрите "Добрый ве-

Они решили рискнуть, когда сказали себе: мы не играем русских, мы играем людей вообще. И перекинули мостик на наше время, оставив канву Маяковского и разукрасив текст шуточками на злобу Советского дня. "Нам показало, что первое крушение иллюзий тех лет хорошо увяжется с вальсе пререстройкой", — сказала режиссер.

Их театру "Алармист" 3 года, их актеры юны и звонкогласны, их репертуар — древнегреческая классика, немецкий и русский экспрессионизм. Четкая выдержан-

"СУН 3"
Визуальный театр зародился в 60-х годах и рос под одной крышей с хэппенингами, кинетической скульптурой, рок-концертами и световыми шоу. Один из основателей направления, режиссер "Сун 3" Алан Финнеран широко известен в Америке. Мы имели удовольствие видеть /точнее, наблюдать/ на фестивале два его "изобразительных ландшафта", как он их называет. Там музыка, свет и цвет, оттенки и контрасты, объемы и формы, люди — две стройные женщины и мужчина, в молчании ма-

...ВНЕЗАПНО ОБМАТЫВАЕТСЯ... Начало на стр. 3

ФРЭНСИС ФИЛЛИПС

СОЛЬ

I

Мертвую пони тянут с поля, мокрые снежинки на поверхности ее глаз. Эти кости в форме топорща, и ее волосы все еще светящиеся иглы, или влага в арке подковы...

Они тянут ее тело.

Если бы только живодег мог поднять ее прежде чем открыть грузовичок, рассыпая грубую желтую солому.

Пони пахнет, как свитер, на котором родились котята.

II

Я подметаю буфетную, где пятна холодной пыли липнут к паутине. Я закрываю седло мешком моркови

и складываю ее уздечку в коробку со своим шлемом, теперь слишком тесным. В ее корыте толстая лепешка ржавой соли сглажена там, где лизал ее язык. Символами нашего горя стали общие предметы удачи — подковы.

Я иду, спотыкаясь, домой, руки в карманах, а локти мотаю меня из стороны в сторону. Я занимаюсь домашними делами как будто

сегодняшний день ничем не отличается от других. Затем, когда я стала развешивать белье

на веревке; мокрая простыня внезапно обматывается вокруг моих рук.

III

Я смотрю в окно, где гигантская улетка сумерек оставляет серебряный след на подоконнике.

В теплице запах спелых помидоров. Сквозь темные доски я засыпаю медленно, неспокойно.

Если я встаю с постели, то оказываюсь наедине с солью на полу. Я сметаю ее в кучку и выбрасываю голубые кусочки в открытое окно. Пол чугуно-сер и под наклоном, как будто мы в плавании.

Перевод А. Ткаченко